

УДК 314.62(=511.111)(470.21)

Е. В. Бусырева

ИСТОРИЯ СЕМЕЙ ИЗ ЮЖНОЙ ФИНЛЯНДИИ, ПРОЖИВАЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация

В статье рассматривается история финских семей Мурманской области, предки которых родились на территории южной Финляндии. Статья основана на интервью, полученных у пяти информантов и их семейных архивах. В статье освещается драматическая история «красных» финнов, дается краткая характеристика информантов с этнической точки зрения.

Ключевые слова:

«красные финны», семейная история, семейная память, миграции, репрессии, гетероэтнические семьи.

Е. V. Busyreva

THE FAMILY HISTORY OF THE MIGRANTS FROM THE SOUTHERN REGIONS OF FINLAND IN THE MURMANSK REGION

Abstract

The article presents the history of Finnish families of the Murmansk region, whose ancestors were born on the territory of southern Finland. The article is based on interviews obtained from five informants and on their family archives. The article tells about the dramatic history of the "red" Finns. The article gives a brief description of the informants from an ethnic point of view.

Key words:

«Red Finns», history of family, family memory, migration, repression, geteroethnical families.

В статье рассматривается история финских семей, мигрировавших из южных районов Финляндии в Советскую Россию. Объектом нашего исследования являются информанты, предки которых были выходцами из Хельсинки (семьи информантов В. А. и А. П.), из г. Таммерфорс (шведское название г. Тампере, отец информанта А. Л.) и из г. Выборга и Выборгской губернии (предки информантов Ю. И. и П. И.). Преимущественно это представители так называемых «красных» финнов. Заслуги «красных» финнов заключаются в том, что они сыграли существенную роль в борьбе с белофиннами, а также внесли значительный вклад в развитие Советской Карелии. Кроме того, часть «красных финнов» была направлена на Кольский полуостров, где с их помощью создавались национальные животноводческие и рыболовецкие коммуны и артели [Шлыгина, 1994: 371].

Статья основана на интервью, а также на семейных архивах информантов. Интервью и семейные архивы позволили реконструировать судьбы конкретных семей на протяжении нескольких поколений. В состав архивов входят старые фотографии, всевозможные письменные источники: свидетельства о рождении, справки из различных архивов, справки о реабилитации, вырезки из газет, содержащие сведения о родственниках. Кроме того, в некоторых семьях хранятся семейные реликвии.

Существенную помощь в изучении истории «красных» финнов оказали работы карельских исследователей И. Р. Такала, Г. Х. Богданова, монография финского профессора Вальо Расила «История Финляндии», а также мемуары И. М. Петрова (Тойво Вякя) «Красные финны». Уточнению некоторых биографических данных способствовали «Книги памяти», в том числе и данные фонда «Возвращенные имена». Например, информант А. Л. в интервью сообщила, что ее отец родом из Выборга, однако в «Книге памяти финнам...» под редакцией историка Л. А. Гильди указано место рождения отца информанта «г. Таммерфорс, Финляндия» [Книга памяти финнам..., 2010: 249].

Работы, изданные в советское время, носили идеологизированный характер. Заслуги «красных» финнов высоко оценивались. И не только самими «красными» финнами, такими как И. М. Петров, который писал: «Красные финны мне бесконечно дороги» [Петров, ЭР], – а также и историками русского происхождения, например, А. А. Киселевым. Тот же И. М. Петров, естественно, крайне отрицательно относился к белофиннам и с чувством благодарности – к советской власти: «Мы помним, и молодые не должны забывать: пролетарская Россия вернула финнам даже больше, чем они просили» [Там же]. И это не удивительно. И. М. Петров – псевдоним полковника пограничных войск КГБ СССР Тойво Вякя, который сменил имя и национальность из-за служебной необходимости. Он искренне верил в свои идеалы.

Начиная с 1990-е гг. интересы исследователей обратились от темы героической революционной борьбы «красных» финнов к темам репрессий, направленных против российских финнов. Изменение тематики и идеологической направленности можно рассматривать как следствие постперестроечной политики государства и изменения отношения к финнам после принятия Постановления «О реабилитации российских финнов» от 29 июня 1993 г. Наиболее эмоционально тема репрессий в отношении российских финнов представлена в работах Л. А. Гильди «Расстрелы, ссылки, мученья», «Беда народа», «Судьба «социально-опасного» народа», «Народ изгой в России», «Книга памяти финнам, репрессированным за национальную принадлежность в СССР». Уже по названиям книг видно отношение автора к событиям советской истории. Л. А. Гильди считает, что в отношении российских финнов руководство СССР проводило политику геноцида. Такую позицию можно объяснить тем, что автор подвергался репрессиям, был узником «ГУЛАГа».

В декабре 1917 г., после победы Октябрьской революции, Финляндия провозгласила независимость [Герасимов, 2003: 12]. К этому времени в Финляндии в результате победы на выборах пришли к власти социалисты. В Хельсинки было сформировано правительство – Совет народных уполномоченных и верховный орган власти Главный рабочий совет. Совет народных комиссаров России во главе с В. И. Лениным в декабре этого же года подтвердил суверенитет Финляндии (рис.1). Финляндия, в свою очередь, признала правительство большевиков. В конце января 1918 г. в Финляндии началась гражданская война между «красными» и «белыми» финнами [Расила, 2006: 185]. Белофинны получают военную поддержку из Германии, а «красные» финны – из Советской России. Так, по личному распоряжению В. И. Ленина в Финляндию был отправлен под охраной «красных» финнов эшелон с оружием [Петров, 1973]. Однако надо иметь в виду, что в случае обнаружения германской стороной поставок оружия рабочим формированиям в Финляндии в переговорах Советского правительства с Германией возникли бы осложнения.

возникшая в 1917 г. [Расила, 2006: 235]). Многие были заключены в тюрьмы и концлагеря или же казнены. Тогда же, в мае 1918 г., буржуазная Финляндия начинает военные действия против Советской России. Эти события в отечественной историографии принято рассматривать как часть иностранной военной интервенции на севере России.

14 октября 1920 г. между Советской Россией и буржуазным правительством Финляндии был заключен Тартуский мирный договор [Расила, 2006: 229]. В соответствии с этим договором Выборгская губерния, часть территории западной Карелии и Печенгский район Мурманской области вошли в состав Финляндии.

Поражение в Гражданской войне вынудило «красных» финнов бежать в Советскую Россию [Такала, 2009: 107-108], чтобы не оказаться в руках финских лахтарей [Локко, 1993: 323]. Для финских красногвардейцев Россия стала новой родиной. Многие представители «красных» финнов влились в ряды Красной Армии. Так, из «красных» финнов было сформировано воинское подразделение, задача которого состояла в охране Мурманской железной дороги от белофиннов, вторгшихся на территорию России [Расила, 2006: 194]. Заслуги «красных» финнов отмечали и мурманские историки: «В ходе Гражданской войны на советскую территорию стала переходить часть финских пролетариев. Красные финны оказали неоценимую помощь в борьбе с белофиннами» [Киселев, Климов, 1977: 141-142]. Отряды «красных» финнов вели борьбу и на севере Карелии против «Ухтинской республики», правительство которой получало как финансовую, так и военную помощь от финского правительства. Были организованы подразделения шюцкор аналогично таким же отрядам в Финляндии. Выдвигались требования о присоединении Ухтинского края к Финляндии. Те, кто не вступал в подразделения шюцкор и не поддерживал их взгляды, подвергались насилию [Богданов, 1927: 9]. В борьбе с шюцкоровскими подразделениями принимали участие партизаны, способствовавшие изгнанию отрядов «Ухтинского правительства». Командиром одного из партизанских отрядов был прадед информанта Ю. И.

Важную роль в борьбе с белофиннской интервенцией сыграл лыжный батальон «красных» финнов под руководством Т. Антикайнена. Осенью 1921 г. белофинны, воспользовавшись почти полным отсутствием на севере РККА, вторглись в Советскую Карелию. Как свидетельствовали очевидцы событий, вторгшиеся белофинны нещадно грабили местных жителей. В этих условиях Карельский Военно-революционный комитет приступил к формированию добровольческих лыжных отрядов из финнов и карелов. В этом подразделении сражался отец информанта А. Л. За боевые заслуги он был награжден именными часами от «ЦИК Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» [Петров, 1973].

Информант А. Л. в своем рассказе неоднократно упоминала имена Тойво Антикайнена и К. К. Рокоссовского, тем самым подчеркивая авторитет своего отца:

*Отец мой был в Гражданскую войну в отряде Тойво Антикайнена.
Член партии.*

Отец окончил в Ленинграде советские инструкторские курсы высшего командного состава Рабоче-крестьянской Красной Армии. По другим источникам, отец был столяром, возможно, впоследствии, перед арестом, он поменял род деятельности. В 1937 г. был осужден Особой тройкой НКВД КАССР и

через несколько дней расстрелян в окрестностях г. Петрозаводска. В 1958 г. реабилитирован Верховным Судом КАССР [Книга памяти финнам..., 2010: 249].

Семья прадеда информанта В. А. бежала из Финляндии после поражения «красных» финнов в Петроград [Бусырева, 2011: 25]. Прадед был уполномоченным Демократического комитета Совета народных уполномоченных Финляндии (революционное правительство «Красной Финляндии», сформированное из числа представителей левого крыла финской Социал-демократической партии). С конца марта 1918 г. прадед был одним из руководителей Департамента внутренних дел [СА инф. В. А.; Инкери, ЭР]:

Прадед был членом Парламента, руководителем какой-то левой фракции.

В тридцатые годы прадед преподавал в Ленинграде в финноязычном техникуме [СА инф. В. А.] (рис.2).

Рис.2. Прадед информанта В.А. Проездной билет на трамвай, выданный прадеду примерно за 3 месяца до ареста

По-видимому, прадед информанта П. И. был также из «красных» финнов (рис.3).

Рис.3. Прадед информанта П. И. (фото из СА)

Прадед – уроженец деревни Харлу Сердобольского уезда Выборгской губернии. До ареста в 1938 г. он работал в пос. Шонгуй старшим путевым обходчиком 10-й дистанции пути Мурманской железной дороги [Электронная книга Памяти, ЭР].

Родители матери информанта А. П. также из «красных» финнов:

Они в революционные годы границу перешли.

Семейная память хранит истории, связанные с революционными годами. Однако некоторые из них не вызывают доверия. Так, информант Ю. И. рассказал интересную семейную историю, передающуюся из поколения в поколение:

Прабабушка у нас с Выборга. Когда начались эти революционные события, один из родственников прабабушки решил уйти на территорию Финляндии, но боялся, потому что тех, кто были за красных, вылавливали по дороге и убивали. Поэтому, чтобы этого не произошло, он взял с собой детей, в том числе и прабабушку. И он вывез их в Финляндию. Родственники прапрабабушки в Финляндии разобрали детей себе по семьям. Через какое-то время их мать, то есть моя прапрабабушка захотела вернуть детей. Чтобы их вернуть, ей пришлось писать письмо Калинин, что вот так дети оказались на территории Финляндии, и она просит, чтобы ей разрешили перейти границу и забрать детей. Самое интересное, что ей позволили пересечь границу. Единственное, что

сказали, что отпустят тех детей, которые захотят с ней ехать. И вот согласились ехать моя прабабушка и её сестра, а старший брат наотрез отказался.

В этом рассказе вызывает сомнение то, что родственник «был за красных», так как в революционный период «красные» финны, напротив, мигрировали из Финляндии в Советскую Россию. Кроме того, неизвестно, где в революционные годы находилась прапрабабушка. Если она проживала в Выборге, который в то время входил в состав Финляндии, то о какой границе речь? Это семейное предание явно не состыкуется с исторической реальностью. Есть сведения, что в 1938 г. прапрабабушка проживала в Ленинградской области [Электронная книга Памяти, ЭР]. Известно только, что в конце 1920-х гг. прабабушка жила в Ленинграде, а бабушка родилась там же в 1928 г.

Отец бабушки в самом начале 1930-х гг. ездил в загранкомандировки в Финляндию и в Германию:

Там он читает лекции. Но в документах, присланных из академии наук, не пишется, что за лекции. Когда он вернулся, у него начались, мягко выражаясь, трения с органами <ОГПУ – Б.Е.> (Инф. Ю. И.).

Будучи в командировке в Хельсинки, прадед не пытался восстановить связи с родственниками в Финляндии. После загранкомандировок он попал в психиатрическую больницу и вскоре умер:

И вот самое интересное, что прабабушка, у меня создалось такое впечатление, что она даже не дождалась его смерти, грубо говоря, покинула Ленинград, забрала мою бабушку и уехала в Петрозаводск к сестре (Инф. Ю. И.).

Со слов информанта, чтобы избежать репрессий, бабушка «переезжала с одного места на другое». Как известно, в 1930-х гг. начинаются репрессии, направленные против инонационалов. V Октябрьский Пленум Карельского обкома ВКП (б) 1935 г. положил начало борьбе «с финским буржуазным национализмом» [Такала, 2007: 50; Веригин, ЭР]. Одним из обвинений в адрес финнов было наличие связи с заграницей, а у многих за границей остались родственники [Иштонкова, 2010: 80]. Финнам были предъявлены обвинения в шпионаже и антисоветской деятельности, что в тот исторический период особой трудности не представляло, судебных процессов как таковых не было, достаточно было осудить тройке НКВД. Финны-иммигранты были обвинены в причастности к диверсионно-террористическим и контрреволюционным организациям, работавшим по заданию финского генштаба с целью отторжения северо-западных территорий России и присоединения их к Финляндии [Шлыгина, 1994: 372].

От репрессий 1930-х гг. пострадали представители большинства семей информантов. По неофициальным данным в результате политических репрессий 1937-1938 гг. подверглись арестам около 20000 граждан финской национальности [По решению правительства, 2003: 356]. Прадед информанта В. А. преподавал в эстонско-финском педагогическом техникуме в Ленинграде, в 1938 г. был осужден на пять лет ИТЛ и умер в тюремной больнице в 1939 г. [Сакса, 2009: 91; Книга памяти финнам, 2010: 16]. Отец информанта А. Л. был военным, его обвинили в контрреволюционном заговоре. Как вспоминает А. Л.:

Мне уже 8 лет было. Я всё помню. Помню, как отца вместе с другими мужчинами раздетыми... вели в клуб. Он мне издала рукой помахал.

Когда отца в 1937 г. арестовали [Книга памяти финнам..., 2010: 249], мать информанта А.Л. «на второй день выгнали с работы». Она работала в столовой для военных. А детей, в том числе и А. Л., выгнали из школы:

Я во второй класс ходила. Мы утром пришли в школу, а нас в школу не пустили даже. Сказали, дети врага народа не будут учиться в школе. Я там два класса только закончила. А сестра старшая в комсомоле была, ее из комсомола выгнали сразу.

Школа была финская. Директора школы, финна по национальности, позже расстреляли около школы прямо при всех детях, а школу закрыли. Подобные сведения, зафиксированные в памяти непосредственного участника событий, позволяют лучше понять эпоху [Дубровская, 2014: 138].

Прадед информанта П. И. был арестован в 1938 г. и приговорен к ВМН за шпионаж. Прапрабабушка информанта Ю. И. была обвинена в «шпионаже в пользу финской разведки» и приговорена к ВМН [СА Ю.И.]. Подверглась репрессиям и сестра прапрабабушки. Члены семьи информанта А. П. от репрессий 1930-х гг. не пострадали.

Затем началась Вторая мировая война. Старшего брата информанта А. Л. (сын матери от первого брака, карела по национальности) забрали в армию:

В армии он попал в плен к финнам, но у финнов он не хотел оставаться, потому что родина была родина, вот. И, когда меняли военнопленных, его поменяли. Сюда когда поменяли, его у нас в России отправили в концлагерь, там сильно били.

В 1941-1942 гг. в связи с военными действиями на территории Карело-Финской ССР финские семьи были эвакуированы подальше от границы в тыловые области СССР. Так, семья информанта А. Л. была эвакуирована в Коми АССР, семья информанта Ю. И. – в Чувашию:

Из Петрозаводска их везли на барже, летали самолеты и их бомбили (Инф. Ю.И.).

Семью информанта А. П. эвакуировали в Вологодскую область:

Мы оказались в Вологодской области, а наши родственники с другой стороны Рыбинского водохранилища в Ярославской области. Мы плыли на барже по Беломоро-Балтийскому каналу.

Дед В. А. с 1932 г. был военным летчиком. 9 марта 1942 г. по распоряжению Военного Совета Ленинградского фронта выслан в административном порядке из Ленинграда без указания срока высылки по национальному признаку [СА В.А.]:

Они по «Дороге жизни» эвакуировались, вернее сначала отец, он был какое-то время в детском доме. Бабушка потом нашла его в детском доме за Уралом не сразу после войны, а где-то в сорок шестом. Они пытались осесть где-то в Ивановской области, но так и не удалось из-за национальности. В Ленинград их, естественно, обратно не пустили, они поехали по Союзу. И, наконец, в Эстонии приткнулись.

Финнам после войны было запрещено проживать в Ленинграде и области, поэтому семьи вынуждены были искать новое место жительства. В их числе оказалась и семья В. А., которой долгое время пришлось колесить по Советскому Союзу. В результате всех мытарств семья распалась, дед оказался на долгие годы в психиатрической больнице, где и умер [СА В.А.]. Почему многие

финские семьи выбрали Эстонию в качестве нового места поселения? Причин такого выбора несколько: во-первых, сравнительно благоприятная экономическая обстановка в Эстонии; во-вторых, территориальная близость к родным местам; в-третьих, этническое и религиозное родство с эстонцами; в-четвертых, надежда на более благосклонное отношение со стороны местного населения, чем в России [Мусаев, 2002].

По свидетельству информанта П.И. во время войны семья оставалась в Кильдинстрое:

Когда прадеда забрали, его семья сразу же переехала в Кильдинстрой.

Это нетипично, так как финские семьи летом 1940 г. переселялись из Мурманской области в Карело-Финскую ССР согласно Приказу НКВД СССР № 00761 [По решению правительства, 2003: 358–359].

Во время войны дед информанта А. П. оказался в трудармии в Воркуте:

Как он туда приехал, так оттуда сразу пришло сообщение, что он умер.

Начиная с 1942 г. существовала система трудовой мобилизации по национальному признаку [Вавулинская, 2013: 3]. В связи с этим было принято Постановление ГКО № 2409 от 14 октября 1942 г. о мобилизации в рабочие колонны НКВД граждан национальностей воюющих с СССР стран (мужчин, годных к труду, в возрасте от 17 до 50 лет) [По решению правительства, 2003: 360]. Условия в лагерях были крайне тяжелые, поэтому не все смогли выжить.

После войны А. Л. вместе с матерью вернулись в Карелию. В послевоенные годы многие девушки работали в леспромхозе, в их числе и А. Л.:

Я пошла в лес работать. Взрослые пилили, давали лес, а мы, подростки, трелевали.

Из леспромхоза А. Л. сбежала вместе с другими девушками учиться:

Я в Иделе ФЗУ закончила. Я пошла на слесаря учиться. Там немножко больше хлеба давали, килограмм.

Во время учебы А. Л. и других учащихся забрали в Мосельск на разминирование:

А когда одна подорвалась, нам сказали: «Всё». Дали бумажку и обратно в Идель нас.

Потом она работала вместе с мужем-геологом в геологических экспедициях на Колыме.

Безусловно, Вторая мировая война способствовала разъединению семей.

Примечателен рассказ о встрече трех сестер, которых разъединила война:

Когда мы все нашлись, столько корреспондентов приехало в Пудож! После сорока лет мы встретились только. Разве это мыслимо! (Инф. А.Л.).

А. Л. очень эмоционально описала момент встречи с сестрами. Во время войны старшая сестра была военнообязанной, работала на железной дороге. Однажды она нашла на путях отрезанную ногу и после этого не смогла работать дальше. Поскольку ее не отпускали, она сбежала. Всю войну скрывалась у староверов. После войны пробралась в Карелию, в Пудож, вышла замуж и поменяла фамилию. Таким образом, затерялась.

Представители семей А. Л., В. А., А. П. и Ю. И. оказались на Кольском полуострове в послевоенное время. Информанты А. П. и В. А. мигрировали

на территорию Мурманской области по трудовому распределению после окончания учебных заведений. Информант В. А. переехал из Ленинграда в г. Кировск после окончания института им. П. Ф. Лесгафта, информант А. П. оказался в пгт. Кукисвумчорр по распределению жены после окончания Ленинградского Горного института. Миграция с целью трудоустройства, которую принято считать «добровольной», зачастую была вызвана принуждающим фактором [Юдина, 2006: 245].

Семьи информантов А. Л. и Ю. И. переехали на территорию Мурманской обл. в поисках «лучшей жизни». Данный мотив миграций является наиболее распространенным во все времена и среди всех групп российских финнов.

Поскольку «красные» финны оказались оторванными от родных мест компактного проживания финского населения, они вступали в межэтнические браки. Все информанты происходят из гетероэтнических семей. Исследование показало, что этническое самосознание во всех рассмотренных случаях опирается, прежде всего, на происхождение и является результатом личного выбора. Информанты А. Л. и А. П., рожденные до Второй мировой войны, имеют финские имена. Все информанты идентифицируют себя по национальности отца: А. Л. и В. А. – финны, А. П. – карел, П. И. и Ю. И. – русские.

Владеют финским языком в разной степени двое информантов из финно-карельских семей. Информант А. Л. на слабом бытовом уровне, информант А. П. в совершенстве:

Я финский язык впитал с молоком матери. И с бабушкой по-фински говорил.

Кроме того, его отец, карел, знал финский язык, во время войны был переводчиком на Карельском фронте; в послевоенное время – известный карельский журналист, редактор, переводчик, работавший с членами делегаций высшего государственного уровня. Самого информанта приглашали переводчиком в отдел культуры г. Кировска, а также на различные международные мероприятия, поскольку он мог свободно вести синхронный перевод во время заседания [Казаков, 2013: 33]. Тем не менее, дети информанта знают только карельский язык. Причины заключаются в том, что жена А. П. – карелка, дети каникулы обычно проводили в Калевале в карелоязычном окружении.

По религиозной идентичности информанты либо относят себя к атеистам, либо придерживаются православного вероисповедания.

Этнически специфические черты в материальной культуре в собственных семьях информантов в настоящее время отсутствуют.

По социальному составу предки информантов А. Л. и П. И. являются выходцами из крестьян, предки информантов В. А., А. П. и Ю. И. – горожане. Уровень образования у информантов различен: у А. Л. – среднее (ФЗУ), у А. П. – среднее специальное (милицейское училище и железнодорожный техникум), у В. А., П. И. и Ю. И. – высшее.

В ходе исследования были выявлены представления информантов о предках, о том, как драматические события XX века повлияли на судьбу семей. Следует отметить, что у информантов различная степень знаний об истории рода и различная степень заинтересованности в этих знаниях. Так, информант П. И. (1984 г.р.) начал проявлять интерес к истории своей семьи и расспрашивать старших после того, как ему интервьюер стал задавать вопросы.

Из этого можно сделать вывод, что сохранность и передача сведений об истории семьи зависит от личной заинтересованности человека, а также от количества и качества документальных источников.

Препятствием к знанию истории своей семьи является и то, что для старшего поколения воспоминание трагических событий прошлого слишком тягостно. Поэтому многие остерегались расспрашивать старших, оберегали их от воспоминаний:

Если я маму начинала расспрашивать, то она расстраивалась сильно, а у неё сердце большое было. Сын мне говорил: «Оставь бабушку» (Инф. А.Л.).

Иногда представители старшего поколения сознательно старались утаить какие-либо сведения о семье, чтобы оградить своих близких от возможных проблем:

Причем прабабушка боялась, когда уже в восемьдесят пятом началась перестройка, и сказали, что надо бы всех реабилитировать, прабабушка всё равно боялась. И когда моя бабушка сказала, что я напишу про свою бабушку, она сказала: «Ты – дура, они специально выясняют тех, кто еще жив. Будут убивать». Вот у нее была такая установка (Инф. Ю. И.).

Память о прошлом семьи и отдельных ее представителях сохраняется в некоторых семьях информантов в виде семейных реликвий. Учитывая те обстоятельства, в которых оказывались семьи информантов (репрессии конца 1930-х гг., Вторая мировая война и вызванные этими обстоятельствами бесконечные переезды), сохранить в семье реликвии было делом весьма проблематичным. Реликвии утрачивались, и в семье осталась лишь память о них:

Книга была у нас дома «Они защищали Родину». Вот там фотография нашего отца была. И когда отца забрали, и книгу эту забрали. Я эту книгу уже читать умела по-фински, мне восемь лет было. И что я еще запомнила, у отца была сабля, подаренная Тойво Антикайненом (Инф. А.Л.).

Золотые часы были в войну проедены в эвакуации. Остался только вот этот наградной лист (Инф. Ю. И.).

Рассказывая о событиях, связанных с периодами гражданской войны, информанты, естественно, обращали внимание на воинские заслуги своих предков.

Несмотря на трудности различного характера, все информанты в той или иной степени интересовались своими корнями: расспрашивали старших родственников, запрашивали сведения в архивах о представителях семей. В ходе исследования было выявлено, что «финскость» более всего прослеживается в финно-карельских семьях у информантов А. Л. и А. П., рожденных до Второй мировой войны. У информантов молодого поколения Ю. И. и П. И. наблюдается полное размывание финской идентичности, тем более что они происходят уже из полиэтнических семей. В этом отношении чуть отличается ситуация у Ю. И., так как он воспитывался бабушкой, происходившей из карело-финской семьи.

Интервью выявили общность исторических судеб семей, чьи предки были выходцами из южных регионов Финляндии: во всех семьях кто-либо из родственников пострадал из-за трагических событий в истории нашей страны XX в. Семейно-родственный круг после всех перипетий не распался, а, скорее,

восстановился, о чем свидетельствует знание истории семьи и поддержание контактов с родственниками. В настоящее время представители семейно-родственных общностей проживают в Финляндии, Карелии, в Мурманской и Ленинградской областях, то есть в местах традиционного проживания финнов.

Информанты довольно спокойно повествуют о судьбах своих предков. Исключение представляет информант А. Л., которая была непосредственной свидетельницей репрессий, направленных против финнов. На ее глазах арестовали отца. Да и ее саму репрессии коснулись. Возможно, эмоциональность рассказа – следствие и гендерного фактора (остальные информанты – мужчины). А. Л. испытывает, с одной стороны, чувство гордости по отношению к героическому прошлому своего отца, с другой стороны, жалость и горечь по поводу его трагической судьбы. Вспоминая, как ездила на перезахоронение отца, она не смогла удержать слез. Несмотря на то, что отца в 1937 г. расстреляли, А. Л. каких-либо резких высказываний против советской власти себе не позволяет, а И. В. Сталина оправдывает:

Сразу говорили, что это не Сталин, он подневольный был, им кто-то руководил. Умные грамотные люди, они сразу поняли. Все, кто работали в экспедиции, я уже большая была, понимала, замужем, они сказали, это не Сталин. А вот те, кто бежали за границу, вот те умные были люди все. Вот.

Подобное оправдание правителя: «не он виноват в наших бедах, а его окружение» – характерный для «народного» отношения к власти стереотип. Поколение детей репрессированных «красных финнов» (как и всех детей коммунистов, пострадавших от советской власти) оказывается здесь в особой психологической ситуации. Если одни однозначно считают себя вправе обвинять власть в убийстве «отцов», то для других это означало бы «предать память» родителей, которые верно служили коммунистической идее. Безусловно, те и другие заслуживают понимания.

В отличие от А. Л., информант А. П. был немногословен и несколько насторожен. Так, на некоторые вопросы он отвечал: «*А зачем Вам?*» Поэтому выяснить его отношение к происходившим событиям не представлялось возможным.

Информант В. А. уважительно отзывается о своем прадеде, который был членом правительства Финляндии в революционные годы. В его рассказе об аресте прадеда в 1938 г. чувствуется ирония:

Самое смешное, что он один из руководителей левых <«левых» – выделено информантом при помощи интонации – Б. Е.> фракций в финском Парламенте, поэтому он и бежал через Выборг в Россию.

Информант вырос в Эстонии в спокойное брежневское время:

Нигде никаких гонений, связанных с моей фамилией у меня не было. Рос я законопослушным пионером. Руководил пионерской организацией школы, и комсомольской организацией школы. С удовольствием ходил на демонстрации. Против идеологии не попрешь никуда.

Пожалуй, последняя фраза и определяет отношение В.А. к прошлому. Его собственная жизнь, да и жизнь его родителей, сложилась благополучно и прошла без особых потрясений.

Информант Ю. И. говорит, что в семье был сильный раскол по политическим взглядам. Никаких эмоций по поводу репрессий в отношении предков в беседе не проявлял. Для него события 1930-х гг. слишком отдалены, и Ю. И., естественно, не был близок к погибшим родственникам. Он просто рассказывал историю рода. Информант П. И. – миролюбивый, спокойный, немногословный – также не давал никаких оценок, и он плохо знаком с историей семьи.

Таким образом, информанты никак не оценивали политический выбор своих предков. Конечно, интервьюируемые сопереживают родственникам, подвергшимся репрессиям в 1930-е гг. Что же касается выселения финнов из Ленинграда по национальному признаку в конце августа 1941 г., то, как отмечала И. Р. Такала, это оказалось для них «по иронии судьбы» благом, поскольку избавило от голода блокады.

В заключение можно сделать вывод, что в основном семейные истории отражают известные исторические события (отчасти исключение – история семьи Ю. И.). Информанты более сдержанно оценивают период репрессий, чем, например, Л. А. Гильди. У них более терпимое отношение. Интервью и семейные архивы не только подтверждают официальные данные о «красных» финнах, но и дополняют эти данные новыми ценными сведениями.

Список сокращений

ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)

ВМН – высшая мера наказания

ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет

ГКО – Государственный Комитет Обороны

ГУЛАГ – Главное управление лагерей

ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь

КАССР – Автономная Карельская Советская Социалистическая

Республика

КФССР – Карело-Финская советская Социалистическая Республика

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление

пгт – поселок городского типа

РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая

Республика

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

УК – Уголовный кодекс

Список информантов²

А. Л., Ж, 1927, хутор Ченги Тунгурского р-на КАССР.

В. А., М, 1959, г. Тарту.

П. И., М, 1984, пос. Черский Якутии.

А. П., М, 1935, пос. Калевала Карелии.

Ю. И., М., 1973, г. Апатиты.

---

² Инициалы, пол, год рождения, место рождения.

Источники

Декрет о независимости Финляндии 31 (18) декабря 1917 г. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 2. Оп. 1. Д. 001. Л. 1. Рукописи Ленина (1881-1923).

Семейные архивы (СА): А. Л. (Апатиты), В. А. (Кировск), П. И. (Кильдинстрой), А. П. (Кукисвумчорр), Ю. И. (Апатиты).

Список литературы

Богданов Г. Х. Трудящиеся Ухтинского района в борьбе за власть труда (1919-1921) // Карело-Мурманский край. 1927. № 10-11. С. 7-13.

Бусырева Е.В. Миграционные траектории современных кольских семей с финскими корнями // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 2. Апатиты. 2011. С. 19-29.

Вавулинская Л. И. Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х – середине 1950-х гг. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. 337 с.

Веригин С. Г. Формирование и боевые действия Финской народной армии в Советско-Финляндской (зимней) войне 1939-1940 годов. URL: <http://statehistory.ru/1262/Formirovanie-i-boevye-deystviya-Finskoj-narodnoj-armii-FNA-v-zimney-vojne-1939-1940-godov> (дата обращения: 04.04.2016).

Герасимов Д. А. Вопрос о финской угрозе в политике мурманских властей в первой половине 1918 года // Наука и бизнес на Мурмане. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 2003. № 3 (История и право). С. 11-16.

Дубровская Е. Ю. Повседневность в чрезвычайных обстоятельствах: революция 1917 года, гражданская война и иностранная интервенция в общей памяти жителей Карелии // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 6. Апатиты, 2014. С. 131-140.

Иштонкова В. В. Как погасили «ЛУЧ». Последние годы коммуны «SÄDE» // Российские финны: вчера, сегодня, завтра. Сборник статей, посвященный 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии / Науч. ред. Е. И. Клементьев. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 76-86.

Казаков Л. Соседи – Naarigit (общество дружбы двух народов). Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2013. 101 с.

Киселев А. А. Барон Маннергейм в истории Северной Европы первой половины XX века // Наука и бизнес на Мурмане. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 2004. № 6 (История и право). С. 5-21.

Киселев А.А. Климов Ю.Н. Мурман в дни революции и гражданской войны. Мурманск: Кн. изд-во, 1977. 224 с.

Киселев А. А. Очерки этнической истории Кольского Севера. Мурманск: МГПУ, 2009. 145 с.

Книга памяти финнам, репрессированным за национальную принадлежность в СССР. Т. 1. / Сост. Гильди Л. А., Браудзе М. М. СПб.: ООО «Гиоль», 2010. 655 с.

Локко С.П. Финны на Мурмане. Мурманск: Фонд культуры, 1993. 409 с.

Мусаев В.И. Ингерманландский вопрос во взаимоотношениях и внутренней политике России и Финляндии (к. XIX – н. XX вв.): автореферат дис. ...доктора ист. наук. СПб институт истории РАН. СПб, 2002.

Официальный портал организации «Инкери». URL: <http://www.inkeri.ru>.

- Петров И.М. Красные финны. URL: <http://profilib.com>.
«По решению правительства Союза ССР...» / Сост. Н. Ф. Бугай,
А. М. Гонов. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. 927 с.
Расила В. История Финляндии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 360 с.
Сакса К. Легенды и мифы Ингерманландии. СПб.: Издательский дом
«Инкери», 2009. 208 с.
Ставицкий А. Финские заметки. СПб.: Нева, 2011. № 11. С. 136-152.
Такала И.Р. Североамериканские финны в довоенной Карелии // Устная
история в Карелии. Сборник научных статей. Вып. II. Северо-американские финны
в Советской Карелии 30-х годов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 32-51.
Такала И.Р. Финны советской Карелии и их вклад в развитие республики
(1920-е – первая половина 1930-х годов) // Финский фактор в истории культуры
Карелии XX века. Гуманитарные исследования. Вып. 3 / Науч. ред. О. П. Илюха.
Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. С. 107-149.
Шлыгина Н. В. Финны // Народы России. М.: Большая Российская
энциклопедия, 1994. С. 370-373.
Электронная книга Памяти. Ленинградский мартиролог. Т. 11. URL:
<http://visz.nlr.ru>.
Электронная книга Памяти. Список граждан, расстрелянных
в Ленинграде, вне Ленинграда и впоследствии реабилитированных. URL:
<http://visz.nlr.ru>.
Юдина Т. Н. Социология миграции: Учебное пособие для вузов. М:
Академический Проект, 2006. 272 с.

Сведения об авторе

Бусырева Елена Владиславовна,
младший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона
Кольского научного центра РАН

Busyreva Elena Vladislavovna,
Junior Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science
Centre, RAS

УДК 061.62:94(470.21)

Е. И. Макарова, В. П. Петров, А. Д. Токарев

**РОЛЬ А. Е. ФЕРСМАНА В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ РАЗВИТИИ
АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ В КОЛЬСКОМ ЗАПОЛЯРЬЕ в 1939-1941 ГГ.
ЧАСТЬ 2. 1940-1941 ГГ.**

Аннотация

Рассмотрена и проанализирована роль академика А. Е. Ферсмана в развитии академической науки на Кольском полуострове в последние предвоенные годы. В преддверии мировой военной угрозы А. Е. Ферсман выступает организатором консолидации научных сил Кольской Базы АН СССР и центральных научных учреждений. В статье освещены два